

казначей, строители. Они расхищали монастырскую казну и зачастую пропивали ее, доводя монастыри до полного запустения, а не монашеская масса, не имевшая прямого доступа к монастырскому имуществу. Таким образом вопрос о том, какие явления монастырского быта разоблачает «Калязинская челобитная», не решается заметкой издателя ее рукописного текста. Равным образом остался в стороне и вопрос об авторе такой едкой сатиры: он не может быть решен без анализа литературной формы челобитной, без учета ее специфических стилевых особенностей.

Трудно согласиться также и с категорическим утверждением Д. Ровинского,¹ обратившего внимание на лубочное издание «Калязинской челобитной»: «Наша картинка была пущена в народ в то время, когда Екатерина II только что составила свой план об отобрании у монастырей недвижимых имений, и, без сомнения, с высочайшего соизволения, без которого издатели картинки в виду пикантности сюжета, могли бы подвергнуться обвинению не только в кощунстве, но и в богохульстве». Но борьба у властей шла в этом деле не с монастырскими низами, пьянство которых рисует «Калязинская челобитная», а с высшими иерархами; поэтому как предварительное агитационное средство вряд ли эта картинка была необходимой. Во всяком случае вопрос о причинах появления лубочного издания требует более внимательного рассмотрения.

Таким образом при наличии двух изданий — рукописного текста и лубочного — «Калязинской челобитной» вопрос о ее происхождении и дальнейшей судьбе нельзя считать решенным двумя указанными статьями. Необходимо, с одной стороны, расширить исторический комментарий и заново поставить вопрос об авторе сатиры, с другой стороны — охарактеризовать ее, как памятник словесного искусства, отведя ему соответствующее место в ряду других пародийных произведений второй половины XVII в.

Рукописных текстов «Калязинской челобитной» сохранилось немало: ее можно найти даже в сборниках полужурнального характера среди образцов разного рода писем «кому и как писать». Большинство текстов падает на XVIII в., но все же есть два списка конца XVII — начала XVIII в., т. е. близких по времени к созданию самого памятника.

1. Библ. им. Ленина, собр. Ундольского № 1073, конца XVII — начала XVIII в., лл. 9—19 об. «Список с челобитной колязина монастыря». Нач.: «Великому господину преосвященному Симеону...»

¹ Русские народные картинки, т. I, СПб., 1881, стр. 405 и т. IV, стр. 285.